

ВКЛАД И. Н. ЛОБОЙКО В РАЗВИТИЕ РУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. КАУПУЖ

Иван Николаевич Лобойко был утвержден ординарным профессором российской словесности Императорского Виленского Университета в конце 1821 года¹. 6 января он прибыл на место своей будущей работы² и сразу же развил весьма разностороннюю и энергичную организаторскую и преподавательскую деятельность, которая характеризовалась прежде всего стремлением ознакомить местное население с достижениями русской культуры, а русских — с культурой поляков и литовцев.

Уважение к культуре других народов, интерес к ее изучению, неустанная деятельность, направленная на взаимное ознакомление с историей, литературой, языком, фольклором, способствовали популярности Лобойко среди представителей местной — польской и литовской — интеллигенции, в том числе в ее передовых слоях.

Близко знакомый с декабристами³, ездивший в 1823 и 1824 годах в Петербург, он являлся — по мысли польского исследователя С. Фишмана — посредником между филаретами и декабристами⁴.

Еще до начала работы в университете Лобойко строил широкие планы своих будущих занятий славистикой и литовским языком. Он записал в Петербурге в альбоме известного ученого П. И. Кеппена, что собирается «написать историю русского языка русскую грам-

¹ В «Русском биографическом словаре» ошибочно указано, что Лобойко был утвержден в должности ординарного профессора в 1825 г. (указ. словарь, т. 10, стр. 568); архивные источники называют 1821 г. Месяц его утверждения в должности документы сообщают по-разному: на 26 октября указывают 3 дела (ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 51, л. 9; ЦГИА в Ленинграде, ф. 733, оп. 62, ед. хр. 1082, л. 80-об., 81 и дело в рук. отд. Вильн. Унив. КС 206, стр. 10), на 26 ноября указывает документ ГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, ед. хр. 2406, л. 36.

² Рук. отд. Вильн. Унив., КС 206, стр. 10.

³ См. публикацию и вступительную статью В. Данилова, Воспоминания И. Н. Лобойко о Рылееве, сб.: Декабристы и их время, изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

⁴ См. S. Fiszman, Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego“, 1953, № 2—3, str. 112.

матику и словарь по лучшим образцам...», что очень желает «научиться литовскому языку для обогащения отечественной истории и языка новыми источниками»⁵.

Условия воспитания, обучения и последующей службы Лобойко, а также его литературные связи способствовали развитию у него живого интереса к культуре других народов. Назначение его профессором в университет, где были представлены — и среди преподавателей, и среди студентов — многие национальности, было поэтому весьма удачным.

И. Н. Лобойко родился на Украине в семье губернского секретаря Николая Трофимовича Лобойко, служившего в харьковской казенной палате⁶. Обстоятельства его жизни в детстве были, вероятно, довольно трудные (в альбоме Кеппена он записал о себе шутливо в третьем лице: «Иван Николаевич Лобойко считает себе ныне (1821) 36 лет и думает, что родился в 1785 году в Харькове ли, Лопани селе или Пересечном — не знает»)⁷.

Обучался Лобойко сперва у дьячка, потом в харьковском малом народном училище, затем в главном народном училище; с момента открытия гимназии переведен туда; после ее окончания в 1804 г. поступил в Харьковский Университет казеннокоштным студентом⁸. Вследствие неизвестных нам обстоятельств в детстве он жил и воспитывался в Харькове в одной немецкой семье; поэтому, как он пишет в автобиографии, по-немецки «мог свободно изъясняться»⁹. В университете Лобойко изучал теорию изящных наук, русскую и немецкую литературу, философию, историю, французский и латинский языки, политические науки, математику, физику, химию, ландшафтное рисование¹⁰.

По окончании курса наук он был направлен на работу учителем в новгород-северскую гимназию, где преподавал логику, психологию, всеобщую грамматику и риторику¹¹, а также археологию¹².

В своей биографии он подчёркивал, что однообразная работа учителя его не удовлетворяла, что он пытался заняться собственными изысканиями, читал в библиотеке спасского монастыря старинные славянские книги¹³. Однако к научным исследованиям он, очевидно, был еще недостаточно подготовлен. В 1811 году Лобойко перемещают в харьковскую слободско-украинскую гимназию учителем немецкого язы-

⁵ Арх. ИРЛИ, 10. 102. LX. б. 24, л. 54.

⁶ Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 10, л. 1.

⁷ Арх. ИРЛИ, 10. 102. LX. б. 24, л. 51. Позже в рукописной автобиографии он писал, что по соотношению фактов устанавливает время своего рождения — 21 июня 1786 г. — и место — город Золочев Харьковской губернии. Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 15.

⁸ Там же, ед. хр. 105, л. 15.

⁹ Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 15-об.

¹² Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 3-об.

¹³ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 16.

ка и литературы¹⁴. Одновременно он дает уроки в частных домах и работает учителем в ряде пансионатов¹⁵. Многочисленные занятия ради заработка (а трудиться ему, как единственному кормильцу матери и брата, пришлось уже с 15 лет¹⁶) не мешают, однако, заниматься, пока еще неудачно, сочинительством: в это время им сделан ряд переводов на русский язык и представлен на суд писателя и переводчика А. Ф. Воейкова¹⁷.

В 1815 году Лобойко проживал в Варшаве, где служил в качестве чиновника по особым поручениям у президента государственного совета Царства Польского В. С. Ланского и одновременно был учителем его детей¹⁸. В этот период он получает возможность познакомиться с польским языком и соприкоснуться с польской культурой: Он приступает к изучению славянских языков и с этой целью знакомится с известным составителем словаря польского языка С. Б. Линде, пользуется — как сам позже напишет — «наставлениями знаменитого ученого»¹⁹.

С 1815 по 1821 год Лобойко служит в Петербурге в разных департаментах и ведомствах, занимая различные чиновничьи должности, и достигает в конце чина титулярного советника²⁰.

Находясь на казенной службе, Лобойко не порывал связи с научными литературными кружками столицы. Он участвует в издании журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», переводит учебные книги, знакомится с виднейшими учеными и писателями того времени: Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, Н. И. Гнедичем, А. Е. Измайловым и др.²¹, издает ряд своих работ (например, «О важнейших изданиях Герберштейна записок о России», Спб., 1818, «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера» — в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения») и становится членом «Вольного общества друзей наук». К этому же периоду относится знакомство с такими виднейшими славистами и языковедами, как датский ученый Р. Х. Раск, как реформатор сербской орфографии, поэт, языковед и этнограф Вук Караджич, ученый и библиограф П. И. Кеппен²².

Когда в 1820 году в Виленском Университете был объявлен конкурс на замещение вакантной кафедры российской словесности, Лобойко принял в нем участие, выслав сочинение, получившее положительную оценку совета университета. Работа эта, кроме теоретических рассуж-

¹⁴ ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 51, л. 5.

¹⁵ Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 3-об.

¹⁶ Там же, л. 4.

¹⁷ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 16.

¹⁸ Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ См. его послужной список в ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 51, л. 5; там же, ф. 576, оп. 2, ед. хр. 2406, л. 35.

²¹ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 7.

²² Там же, 10. 102. LX. б. 24, л. 51.

дений о языке и литературе, заключала также «мысли о способе преподавания русского языка и литературы польской молодежи»²³.

Как мы уже отмечали, еще перед отъездом из Петербурга Лобойко составил обширный план своей будущей деятельности. Он хорошо изучил местные условия и учитывал возможность использовать свое пребывание в Литве для сближения народов, ее населявших, с русским народом путем взаимного ознакомления с языком и достижениями культуры каждого из них. В своих воспоминаниях, написанных в сороковых годах, он отмечал, что члены «Общества любителей российской словесности» радовались его назначению, т. к. ожидали, что он употребит свои способности к «примирению наций», что он также «...давно одушевлен был этим чувствованием и признавал теперь свое назначение призванием к сему подвигу...»²⁴

Живя в Варшаве, Лобойко начал заниматься польским языком и овладел им до известной степени. В марте 1821 г. В. Пелчинский писал из Петербурга филемату И. Ежовскому о будущем профессоре, что тот немного понимает по-польски²⁵. В университетских кругах нового профессора встретили благосклонно. К. Контрым писал в Петербург О. Сенковскому: «Я познакомился также с Лобойко, который три дня назад вечером сюда прибыл; такой, каким ты его описал. Прекрасный человек. Поднимет уважение к русской литературе...»²⁶

По прибытии в университет Лобойко продолжает изучать польский язык. Первым его учителем становится член филаретского кружка студент Н. Малиновский, которого он поселяет у себя на квартире²⁷. Уже год спустя после приезда он настолько овладевает языком, что может свободно общаться со студентами и профессорами. В письме к родственнице в Петербург, написанном по-польски, он отмечает, что овладел языком благодаря «заседаниям, дискуссиям, чтению литературы»²⁸. Надо бы прибавить: также благодаря тесному личному общению с местными учеными и литераторами. В первых же письмах к русским друзьям фигурируют имена его новых знакомых: И. Лелевеля, М. Бобровского, И. Даниловича, К. Контрыма и др.

Лобойко скоро становится связующим звеном между русскими и местными исследователями. Он информирует своего учёного покровителя, основателя Румянцевского музея, Н. П. Румянцева, а также ряд славистов, историков, этнографов о последних трудах, появившихся по-польски; с другой стороны, он пропагандирует русские труды и русскую

²³ ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 1114, л. 45-об.

²⁴ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 18.

²⁵ „...rozumie trochę język polski“. Archiwum filomatów, cz. 1, Korespondencja, 1815—1823, t. 3, wydał J. Czubek, Kraków, 1913, str. 210.

²⁶ „Poznałem też I. Łobojkę, który przedpozwczora w wieczór tu przybył; taki jakiego wyobraziłeś. Śliczny człowiek. Podniesie szacunek literatury rosyjskiej...“ ГИА Лит. ССР, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1.

²⁷ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 19.

²⁸ Там же, ед. хр. 103, л. 36.

культуру среди местной интеллигенции. Он сообщает известному слависту Евг. Болховитинову о всех интересующих того книгах²⁹, высылает издательский каталог польских книг, труды И. Лелевеля, список сочинений последнего³⁰. Он переписывается с Кепленом, с известным филологом И. Ф. Калайдовичем, переводчиком и библиографом В. Г. Анастасевичем, известным путешественником З. Ходаковским³¹. Он не только сообщает Румянцеву о последних трудах Лелевеля, но и подыскивает переводчика для издания их на русском языке, указывая как на одного из возможных переводчиков на лектора польского языка в Харьковском Университете и украинского поэта П. П. Гулак-Артемовского³². Он предлагает сделать русский перевод «Истории польского народа» Е. С. Бандтке³³, одновременно советует книгопродавцу Моритцу издать «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина для поляков³⁴. Он организует переводы русских писателей и поэтов на польский язык³⁵ и руководит группой студентов, занимающихся переводами польских писателей на русский язык (в его архиве находим, правда, более поздние по времени, переводы из басен И. Красицкого, сатир А. Нарушевича, из Ю. У. Немцевича, Ф. Д. Князнина; переводы отрывков из «Приключений Николая Досвядчинского» И. Красицкого, из «Похвалы Копернику» Л. Осинского)³⁶. По его совету основатель Румянцевского музея выписывает „Dziennik Wileński“³⁷. Позже московский этнограф и историк И. М. Снегирев, подготавливая работу о русских пословицах, будет при содействии и посредничестве Лобойко пользоваться сравнительными материалами о южнославянских пословицах, взятыми у М. Бобровского³⁸. Проект работы Снегирева обсуждают Лобойко и Бобровский³⁹. Проф. Снегирев от Лобойко хочет получить отзыв Лелевеля на свои статьи о русалках и радунице, о чем просит в письме к нему⁴⁰.

Большое место в деятельности Лобойко занимает его интерес к литовскому языку, истории и культуре. Исследователи творчества литовских писателей начала XIX века, а также истории литовской культуры и литовского национального движения указывали уже на значение Лобойко, как человека, стимулировавшего и поддерживавшего многие начинания. Он поручал студентам описывать литовские говоры, собирать литовские песни, организовал экспедицию по Литве, в которой и сам принял участие; он опубликовал в местной печати отрывок из письма Ру-

²⁹ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 26.

³⁰ Арх. АН в Лен., Р IV, оп. 52, ед. хр. 2, л. 1—4.

³¹ Рук. отд. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 2.

³² Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 4-об., 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 4.

³⁵ См. в указанной работе С. Фишмана, стр. 117.

³⁶ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 32.

³⁷ Арх. АН в Ленинграде, оп. 52, ед. хр. 7, л. 2.

³⁸ Там же, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, л. 59.

³⁹ Там же, ед. хр. 9, л. 1.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 8, л. 7.

мянцева, заключавший просьбу собирать материалы о литовской старине⁴¹.

Еще перед отъездом из Петербурга Лобойко поставил перед собой цель — изучить литовский язык, так во всяком случае он записал в альбоме Кеппена⁴². Немалую роль в этом, наверное, сыграло влияние Н. П. Румянцева, который ожидал от Лобойко сообщений о литовской старине и современном положении народа. Возможно, что известное влияние в этом направлении оказали также Раск и Кеппен, написавший впоследствии свою известную работу «О происхождении, языке и литературе литовских народов» (1827), для которой при посредничестве Лобойко использовал материалы Д. Пошки

Научные планы Лобойко широки: он задумывает написать сочинение, которое должно включить такие вопросы, как «географическое описание земель, населенных народами литовского происхождения, как то Пруссии, Литвы, Семигалии, Курляндии, Летляндии и Ливонии»; происхождение литовского народа, религия литовских народов, язык литовских народов. План этой работы Лобойко обсуждал с проф. Лелевелем, Даниловичем, Бобровским⁴³. Впоследствии Лобойко, очевидно, понимая трудность предприятия для одного человека, пишет уже о составлении «вместе с проф. Лелевелем сочинения о литовском языке и народе»⁴⁴. К сожалению, за предварительной стадией сбора библиографии и материалов не последовала дальнейшая углубленная работа. Возможной причиной этого является процесс филоматов и удаление из университета Лелевеля, Даниловича, Бобровского. Лишившись их помощи, Лобойко, вероятно, один не смог продолжать работу. (В более поздних дневниковых записях Лобойко встречаем уже новые планы: он задумывает перевести с комментариями «Историю Литвы» В. Кояловича⁴⁵.)

Сбор материалов для задуманной совместной работы начат был весьма энергично. Желавшим участвовать в предварительной ее стадии розданы были вопросники, которые должны были направить в собирании языковедческого, географического, статистического и др. материалов. Интересовали автора вопросника легенды, древние языческие обычаи и обряды, старые книги⁴⁶.

По свидетельству Лобойко, начинание это нашло живой отклик. В письме к Н. П. Румянцеву от 8 декабря 1822 года он рассказывает, как пришел к нему, узнав о предприятии, энтузиаст-студент⁴⁷. Вскоре уже были получены ответы из 10 деканий⁴⁸.

⁴¹ См. об этом в работе *Lituanistinis sąjūdis XIX amžiaus pradžioje*, „Darbai ir dienos“, t. VIII, Kaunas, 1939.

⁴² Арх. ИРЛИ, ф. 102, к. 6, л. 51.

⁴³ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 7-об. — 9-об.

⁴⁴ Там же, л. 20.

⁴⁵ Запись в январе 1834 г. Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 22, л. 1-об.

⁴⁶ Там же, ед. хр. 103, л. 17.

⁴⁷ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 16-об.

⁴⁸ Там же, л. 17-об.

Вероятно, Лобойко в сотрудничестве с Киприонасом Незабитаускасом стремился привлечь широкие круги интеллигенции к собиранию материала. Было начато даже печатание воззвания на литовском языке, которое, однако, не вышло из-за неудовлетворительного положения с цензурой литовских книг в университете. (Интересное известие об этом литовском воззвании заключает письмо Лобойко к Киприонасу Незабитаускасу от 12 марта 1823 г.⁴⁹)

В связи с путешествием Лобойко в апреле 1823 г. по некоторым районам Литвы сохранились сведения о его контактах с местной интеллигенцией: от М. Хлевинскиса он получает письменную инструкцию для путешествия⁵⁰, от Киприонаса Незабитаускаса — письменные ответы на 26 вопросов, относящихся к современному положению Литвы⁵¹; во время путешествия пользуется советами и указаниями Д. Пошки⁵², знакомится с известным в то время ученым Л. Увайнисом и получает после путешествия его работу о литовской этимологии⁵³.

Вскоре после возвращения из поездки он получает рукопись работы Д. Пошки „Rozmyślania wieśniaka gólnika“, которую вместе с рукописью Киприонаса Незабитаускаса отдает, как сам об этом сообщает в письме к Н. П. Румянцеву, в Петербурге Ф. Булгарину для напечатания в русском переводе⁵⁴.

Лобойко поддерживает Киприонаса Незабитаускаса в его желании составить литовский словарь⁵⁵; призывает Эйникаса, М. Хлевинскиса собирать народное творчество⁵⁶; все эти его начинания вместе со сведениями о творчестве литовских ученых и писателей находят отражение в его письмах к Румянцеву.

Несомненно, что, будучи в Петербурге, он старался всемерно использовать полученные литовские материалы, знакомя русских ученых и литераторов с достижениями литовских писателей и ученых.

Приведенные выше примеры контактов Лобойко с польскими и литовскими учеными и писателями говорят о том, что он понимает и серьезно выполняет свою роль представителя русской культуры в Литве в части налаживания деловых связей русских ученых с представителями местных научных кругов. Свои столичные связи использует он иногда для поддержки стремящейся к знаниям молодежи. Узнав, например, что талантливый юноша решил идти пешком в Петербург для занятий в Академии Художеств, он пишет письмо с просьбой оказать ему помощь и покровительство⁵⁷.

⁴⁹ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 33.

⁵⁰ Там же, л. 34.

⁵¹ Там же, л. 54-об.

⁵² Там же, л. 52.

⁵³ Там же, л. 54-об.

⁵⁴ Там же, л. 70.

⁵⁵ Там же, л. 54-об.

⁵⁶ Там же, л. 41-об.

⁵⁷ Рук. отд. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 1.

Диапазон вопросов, интересующих в разное время Лобойко, очень широк. Его занимают поочередно столь далекие друг от друга предметы, как скандинавская словесность и древнейшие известия о янтаре, издания записок Герберштейна и ланкастерские школы, источники северной истории и обзор иностранной словесности⁵⁸. Он не сосредоточил своего внимания на какой-либо узкой области, связанной с предметом, им преподаваемым. Планы его в области славянского языкознания обширны, выполненной же оказалась только небольшая часть. Уже упоминалось о записи в альбоме Кеппена: будущий профессор желает написать историю русского языка, русскую грамматику, словарь. По прибытии в университет он прежде всего приступает к подготовке грамматики русского языка для поляков и переводного русско-польского словаря, что диктовалось отсутствием необходимых учебных пособий. По-видимому, в связи с тем, что его собственная грамматика должна была быть готова не скоро, он пока в качестве паллиативной меры поручает кандидату университета А. Глебовичу перевод на польский язык русской грамматики для французов Рейфа⁵⁹. В письме от 23 октября 1822 г. он сообщает Н. П. Румянцеву, что перевод завершен, что сам «исправил при польском переводе небольшие ошибки, сделал нужные дополнения» и что отпечатано уже 4 листа. Лобойко подчеркивает необходимость подобных изданий для университета и училищ⁶⁰, и поэтому дает еще одно поручение: перевести с немецкого на польский грамматику русского языка Пухмайера⁶¹.

Хотя в конце XVIII и начале XIX в. был издан целый ряд грамматик русского языка для поляков⁶², они, по-видимому, не могли удовлетворить все возрастающей потребности ни в количественном, ни в качественном отношении. Поэтому издательские начинания Лобойко были весьма актуальны.

Сделанный Глебовичем не критический, буквальный перевод книги Рейфа, предназначенной притом для французов, не мог быть удовлетворительным, поэтому Лобойко пришлось согласиться со справедливы-

⁵⁸ ГИА Лит. ССР, ф. 576, оп. 2, ед. хр. 2406, л. 37.

⁵⁹ *Grammaire russe à l'usage des étrangers qui désirent connoître à fond les principes de cette langue, précédée d'une introduction sur la langue slavonne* par Ch. Ph. Reiff à Saint-Petersbourg, août 1821.

⁶⁰ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 4.

⁶¹ Там же, л. 4-об.

⁶² *A. Krótka rosyjska grammatyka dla szkół narodowych Imperium rosyjskiego za najwyższym nakazem ś. p. Katarzyny II w 1790 r., wydana na język polski w Wilnie przy szkole głównej Litewskiej, przetłumaczona i wielu uwagami ross. autorów pomnożona*, Wilno, 1800; *B. I. Brodowski, Gramatyka rosyjska*, Wilno, 1805; *B. Грамматика российского языка в пользу польского юношества в волынской гимназии, изданная М. Бутовским, Почаев, 1809*; *G. Dworzeczki, Początki języka rosyjskiego*, Wilno, 1809 i 1811; *D. Praktyczna rosyjska grammatyka z wypisami z różnych rosyjskich autorów i słownikiem... ułożona przez J. Heym, prof. języka rosyjskiego w Moskwie, przełożona dla użytku Polaków podług ostatniej poprawnej i powiększonej edycji przez*

ми критическими замечаниями Румянцева⁶³. Действительно, в этой грамматике соединились погрешности Рейфа с ошибками переводчика. В своей грамматике Рейф стремился объяснить французам характерные черты русской фонетики доступным для них образом, используя прием сопоставления русских и французских звуков и букв. Сохранение подобных разъяснений в польском тексте не имело смысла, а иногда давало неверное понятие о произношении русских слов (*стаканн, дамн, носс*⁶⁴).

Кроме работы над собственной грамматикой, Лобойко участвует в подготовке русско-польского словаря, руководя В. Кишко-Згерским, составляющим его на основе немецко-русского и русско-немецкого словаря И. А. Гейма (вероятно, по одному из последних его изданий) с привлечением материалов академического словаря русского языка. К октябрю 1822 г. словарь доведен уже до буквы *М*⁶⁵. К 1824 г. работа над словарем была завершена (из отзыва Л. Боровского и Лобойко узнаем: «...словарь доведен надлежаще к окончанию»⁶⁶) и начались хлопоты по изысканию средств к его изданию. Лобойко выступает с предложением о выделении на нужды издания из сумм университета 2000 рублей для типографии Ф. Моритца⁶⁷. С просьбой о выделении средств выступает перед советом университета и сам Моритц (в январе 1824 г.⁶⁸). Однако и в мае 1825 г. нужная сумма не была найдена, как узнаем из сообщения попечителя учебного округа⁶⁹. Словарь так и остался в рукописи.

Учитывая близость систем русского и польского языков и, как следствие, случаи смешения их отдельных элементов учащимися, Лобойко замечает: «Россияне, проживающие между поляками, сбиваются в российский слог на польское наречие, а поляки не могут писать чисто уже по-польски». Поэтому он считает необходимым подкреплять грамматику «чтением образцовых писателей того и другого языков», т. е. только тогда можно писать верно и «чисто на обоих языках»⁷⁰. Он готовит, кроме грамматики, издание «Собрания российских стихотворений», которое должно послужить «на несколько лет важную подпору университетских лекций российской словесности». Оно «произведет в известность и уважение в сем краю российских писателей и заменит недостаток полных изданий», к тому же может «продаваться дешево, ибо издатель не имеет никакого вознаграждения, желая только по зва-

M. Grodzickiego we Wrocławiu, 1819. То же, Wrocław 1822. E. P. Ostrowski, *Wypisy Rosyjskie pomnożone grammatyką*, Wilno, 1819.

⁶³ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 15.

⁶⁴ Ch. Ph. Reiffa *grammatyka rossyyska ... przełożona ... i potrzebnymi dodatkami do użytku Polaków zastosowana przez A. B. Hlebowicza kandydata filozofii*, Wilno, 1823, str. 12.

⁶⁵ ЦГИА в Ленинграде, ф. 733, оп. 62, ед. хр. 744, л. 1.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ГИА Лит. ССР, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 20411, л. 1; там же, ед. хр. 1115, л. 15-об.

⁶⁸ Рукоп. отд. Библ. Вильн. Унив., КС 195, стр. 88.

⁶⁹ ЦГИА в Ленинграде, ф. 733, оп. 62, ед. хр. 744, л. 10.

⁷⁰ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 6, л. 28.

нию своему быть полезным...»⁷¹. Хрестоматия, составленная Лобойко, вышла в 1827 г.⁷².

Как видно из писем Лобойко, уровень знания русского языка студентами в начале его педагогической деятельности в университете был очень низок. («Студенты наши только начинают разуметь по-русски»⁷³, «часто не знают даже букв и записывают лекции, пользуясь латинским алфавитом»⁷⁴). Вновь назначенный профессор старается приобщить слушателей к своему предмету и, как кажется, благодаря своим личным качествам и дружескому отношению к местному населению⁷⁵, успешно этого добивается. Результатами своей деятельности Лобойко удовлетворен: «...Я нашел как профессоров, так и студентов в примирительном расположении. На лекции мои приходили охотно не только студенты, но даже адъюнкты и профессоры, также давно вышедшие из университета кандидаты, магистры и доктора. Профессоры Данилович и Лелевель, с которыми я по образу моих ученых занятий наиболее общался, начали из угождения мне заниматься, первый — отыскиванием русских рукописей, а Лелевель — русскою палеографией, сам гравировал и печатал»⁷⁶. «Я рад, — пишет он в одном письме, — что словесность российская начинает приходиться в уважение, польские журналы заимствуют статьи свои из наших...»⁷⁷. «Со стороны русского языка и литературы предрассудки исчезают», — пишет он журналисту и историку М. Т. Каченовскому⁷⁸. «Русскому языку учатся теперь очень охотно. У меня бы-

⁷¹ Рук. отд. Библ. Вильн. Унив., КС 611, стр. 20.

⁷² Собрание российских стихотворений в пользу юношества, Вильно, 1827.

⁷³ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 25.

⁷⁴ Там же, ед. хр. 39, л. 37.

⁷⁵ Лобойко изучает польский язык и литературу, восхищается ее достижениями. В своих воспоминаниях он пишет, например, об А. Мицкевиче: «Поэма его «Grażupa», вскоре по приезде моем вышедшая из печати, столько меня очаровала, что я, начав читать ее с вечера, не мог уже от нее оторваться, всю ночь просидел за нею с польскими моими знакомыми». «В восхищении моем я написал к нему в Ковно 27 мая 1823 года письмо по-немецки, находя в нем тесное родство с гением Бюргера, Гёте и Шиллера» (Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, лл. 17 и 18).

Позицию Лобойко характеризует также и следующий случай. В 1823 г., направленный на следствие по делу случкой школы, обвиненной в существовании тайного общества, он спасает ее от дальнейших преследований со стороны царских властей. Вот как об этом пишет в рукописной биографии Лобойко Полинский: «В то время, когда Новосилец проводил в Вильне следствие по делу общества «лучистых», ректор выслал в Слуцк проф. Лобойко для расследования этого вопроса. Лобойко сообщил, что ученики собирались под надзором школьных учителей во внеурочное время для чтения учебных упражнений. Это спасло школу от дальнейших неприятностей». Текст оригинала: «...w tym czasie, kiedy Nowosilcew prowadził w Wilnie śledztwo względem towarzystwa Promienistych, rektor wysłał do Slucka prof. Łobojkę dla rozpoznania tej rzeczy. Łobojko pokazał, że uczniowie zbierali się pod dozorem szkolnych nauczycieli pomimo przepisanych godzin dla odczytywania ćwiczeń naukowych. To ocaliło szkołę od dalszych nieprzyjemności». Рук. отдел. библ. Вильн. Унив. ДС, 177.

⁷⁶ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 38.

⁷⁷ Там же, ед. хр. 103, л. 19.

⁷⁸ Там же, л. 21-об.

вадет до 150 слушателей в низшем курсе — пишет он в октябре 1822 г. Румянцеву и продолжает: — По приезде моем я роздал способнейшим роли для составления пособий по изучению русского языка»⁷⁹.

Занятия свои Лобойко старается разнообразить. Из протокола заседания отделения литературы университета за июнь 1822 года видим, что избранный вновь профессор, кроме занятий по языку с «начинающими и продолжающими», кроме эстетического разбора сочинений русских писателей и занятий по истории русской словесности, «руководить будет в переводах учеников на русский язык», начнет преподавать «славянский язык по грамматике Осипа Добровского», «грамматику русского языка вместе с переводом на польский язык»⁸⁰. В 1824 г. среди преподаваемых им предметов мы видим, кроме перечисленных выше, «краткий очерк сравнительной грамматики русского, польского и старославянского языков»⁸¹. В 1825 г. окажутся добавленными переводы со старославянского на русский и польский языки⁸². Лобойко считал нужным ознакомить студентов также с методикой преподавания русского языка, имея в виду, что часть из них может в будущем стать учителями этого предмета в местных школах. В его архиве мы находим методическую разработку одной грамматической темы⁸³. Для облегчения изучения старославянского языка он, основываясь на грамматике О. Добровского, готовит свою сокращенную грамматику и читает первые ее главы в 1825 г. в собрании профессоров университета⁸⁴.

Однако основной заботой Лобойко остается грамматика русского языка для поляков, которую он без указания имени автора издает в Вильне в 1827 году под заглавием: «Начертание грамматики русского языка, составленное по наилучшим и достовернейшим пособиям, на русский и польском языке»⁸⁵. Современники знали, кто является автором вышедшей грамматики: об этом пишет Полинский в рукописной биографии Лобойко⁸⁶, об этом свидетельствует переписка Лобойко с проф. Снегиревым⁸⁷, однако в официальных биографиях Лобойко (в Русском биографическом словаре⁸⁸, в перечне работ при послужных списках, в библиографии его работ в соответствующем разделе «Истории Виленского Университета» И. Белинского⁸⁹) в списке его работ эта книга не значится. Не знают об авторстве Лобойко и составители библиогра-

⁷⁹ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 3-об.

⁸⁰ Рук. отд. Вильн. Унив., КС 206, стр. 709.

⁸¹ ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 1115, л. 20.

⁸² Там же, ед. хр. 1119, л. 218.

⁸³ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 22, лл. 1—10.

⁸⁴ ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 308, л. 23.

⁸⁵ На титульном листе по-польски: „Początki grammatyki języka rossyjskiego podług celniejszych i gruntowniejszych wzorów w języku rossyjskim i polskim ułożone“, Wilno, 1827.

⁸⁶ Рук. отд. Вильн. Унив., ДС 177.

⁸⁷ Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, лл. 21-об., 25-об., 28-об.

⁸⁸ Русский биографический словарь, т. 10, Спб., 1914, стр. 568.

⁸⁹ J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, III, Kraków, 1899—1900, str. 254.

фии по русскому языкознанию, где она приведена как анонимная⁹⁰. (Готовя ее второе, исправленное, издание, Лобойко думал написать на титульном листе: «Начертание грамматики российского языка, составленное проф. Иваном Лобойком, переведенное на польский и изданное магистром Львом Рогальским»⁹¹.)

Грамматика Лобойко — как об этом свидетельствует уже титульный лист — должна была дать только элементарные сведения по русскому языку для начинающих. Заключала она два параллельных текста, русский и польский; эта манера изложения материала не была в то время редкостью: ее мы встречаем в ряде грамматик русского языка, предназначенных для иностранцев и для национальных меньшинств, населявших Россию. Например, в упомянутой уже грамматике русского языка для поляков М. Бутовского, в «Российско-румынской грамматике», составленной С. Марцеллю, Спб., 1827, в «Опыте российской теоретико-практической грамматики с примерами для перевода с немецкого на русский язык...», изд. К. Шлитером, Спб., 1825. В печати того времени обсуждался вопрос о способе составления таких грамматик, подчеркивались преимущества учебников с параллельными текстами. «Московский телеграф» в рецензии на книгу Марцеллы писал, что при наличии двух текстов грамматики «...неизвестный язык, объясняя законы известного, показывает нам свои законы». В статье подчеркивалось, что такие грамматики помогают не только иностранцам в изучении русского языка, но и русским в изучении иностранного⁹². Хотя преимущества грамматик с параллельными текстами были очевидны, все же преобладали пособия, написанные на одном языке. Среди русских грамматик, написанных по-польски, предшественниц грамматики Лобойко, только работа М. Бутовского заключала два текста, остальные же (Двожецкого, Островского и др.) были написаны только по-польски.

Грамматика Лобойко состоит из 15 разделов; особенно обширен раздел о глаголе, где автор старается дать практические указания к образованию глагольных форм (даны многочисленные ряды глаголов для упражнений). Автор старается облегчить усвоение русского произношения, приводя примеры слов параллельно в традиционном и фонетическом написании и сопоставляя произношение русских и польских звуков.

Лобойко очень интересовался мнениями о своей грамматике, спрашивал, например, о впечатлении у проф. Снегирева, который в ответ писал: «Не многие русские в Москве так пишут, как Вы в Литве, где Вы распространили русский язык и словесность, коей до Вас чуждались, забывая родство и сродство (свойство)»⁹³. Снегирев замечает, что книга

⁹⁰ Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год, выпуск VI, изд. АН СССР, М., 1957, стр. 53.

⁹¹ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 24, л. 2-об.

⁹² «Московский телеграф», 1827, часть XVI, № 16, стр. 340.

⁹³ Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, л. 28.

должна была бы «льстить народному самолюбию и возбуждать благодарность к сочинителю, столь ревностно и успешно старающемуся о распространении в Литве русской словесности», грамматику он находил «не только для поляков, но и для русских полезно по ясному и точному плану, так равно и слогу истинно дидактическому». Замечая, очевидно, некоторые ее недостатки, он советовал при дальнейшей работе обратиться к замечаниям А. Х. Востокова на грамматику Борна, а также к грамматике Розанова⁹⁴. К переработке учебника для второго издания Лобойко обратился позже, в тридцатых годах⁹⁵.

Русская и польская грамматическая терминология, как стройная и цельная система, в начале XIX века только лишь начинала складываться. Поэтому перед Лобойко и его возможными польскими помощниками (вероятно, это были или А. Глебович, или Л. Рогальский) стояла задача отобрать из ряда терминов-синонимов лучший русский и передать его лучшим польским. При переводе на польский язык русских грамматических понятий была использована прежде всего самая популярная и полная в то время польская грамматика — грамматика О. Копчинского, чаще всего ее последнее издание. Но не все термины Копчинского были приняты. Например, в ряде случаев оказались использованными термины других грамматик или же образованы новые. Так был отвергнут термин последнего издания грамматики Копчинского *kres czyli peryod*, а употреблен термин *kropka*, сохранившийся до настоящего времени. Таким же образом вместо термина последнего издания *czudzymów* был употреблен *czudzyśłów*, вошедший и в современную польскую грамматическую терминологию. В грамматике встречаем и новые термины, не известные до того в польской грамматической традиции, например, *półsamogłoski* (полугласные), *czasowniki przechodnie* (переходные глаголы)⁹⁶.

Кроме занятий грамматикой, Лобойко хотел приступить к составлению сравнительного старославянско-русско-польского словаря. Он обсуждал его план с проф. Снегиревым⁹⁷, но намерения этого, кажется, не осуществил.

Следует отметить также внимание, которое Лобойко уделял белорусскому языку и культуре. Совместно с Лелевелем, Контрымом, Даниловичем он участвовал в сличении переводов «Литовского статута» с оригиналом⁹⁸. Проявление интереса к белорусскому языку и культуре мы видим в его переписке с издателем белорусских грамот И. Григоровичем, которому он рекомендует «рассматривать белорусскую словес-

⁹⁴ Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, л. 21-об., 22, 25-об.

⁹⁵ В архиве ИРЛИ хранится экземпляр грамматики с авторскими поправками для 2-го издания, которое, однако, не было осуществлено. Ф. 154, ед. хр. 22.

⁹⁶ Об истории польских терминов см. в работах: А. Kogonczewski, *Polska terminologia gramatyczna*, Wrocław, 1961; Т. Skubalanka, *Stanowisko O. Kopczyńskiego wobec nowotworów językowych*, *Zeszyty naukowe uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu, nauki humanistyczno-społeczne, zeszyt 2, filologia polska* (1).

⁹⁷ Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, л. 38.

⁹⁸ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 41.

ность в собственных ее пределах»; он радуется тому, что «белорусская словесность из мрака забвения с таким достоинством выступает в свет»; выдвигает поддержанную Румянцевым идею, чтобы при издании «Белорусских грамот» был приложен словарь белорусских слов⁹⁹. Позже он запишет ряд белорусских песен¹⁰⁰.

Оценивая в свое время научное наследие А. Кухарского, проф. В. А. Францев писал, что причина бесплодности его ученых усилий следует искать в «чрезвычайном множестве и разнообразии взятых им на себя задач, в неумении его сосредоточиться на каком-либо одном предмете, выбрать работу себе по силам»¹⁰¹. В полной мере эти слова можно отнести к И. Н. Лобойко. Планы его были обширны и многочисленны. Начиная с программы деятельности, отраженной в альбоме Кеппена, Лобойко постоянно записывает все новые и новые свои творческие замыслы. Дневниковые, сделанные для себя, эти записи являются свидетельством искреннего желания трудиться, отражают горечь от сознания своей творческой бесплодности. Несомненно широко эрудированный, накопивший огромное количество выписок из разных трудов, множество библиографических сведений и материалов, он не может сосредоточить своего внимания на чем-то одном. Спустя 10 лет после начала своей профессорской деятельности, в течение которой он преподавал — среди прочих предметов — также и сравнительную грамматику старославянского, русского и польского языков, он в 1832 г. записывает как один из пунктов плана на будущие 10 лет составление и издание этой грамматики. Кроме того, он задумывает заняться переводами польской поэзии, издать историю русской литературы, переработанную грамматику русского языка, словарь¹⁰². 4 марта 1833 г. он вносит дополнительные пункты в свой десятилетний план, предварив их критикой по своему адресу: «Но строгие мои судьи скажут: «Он прожил более 20 лет в Литве и Польше, не думая заниматься тем, что ближе в его положении», — и против сего обвинения ничто меня оправдать не может». Далее Лобойко излагает новый вариант плана: издать по-русски польскую грамматику Е. С. Бандтке, историю города Львова, сочинения И. Лелевеля, Т. Чацкого, Я. Альбертранди, «Историю польской литературы» Ф. Бентковского¹⁰³. Однако 1 апреля того же года он отмечает: «Перевод сих сочинений могут избрать и другие...»¹⁰⁴. У него же созрели новые планы:

⁹⁹ См. письма Лобойко к И. Григоровичу, «Чтения императорского общества истории и древностей российских при Московском Университете за 1864 г.», кн. 2, стр. 40, 46, 51.

¹⁰⁰ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 7, лл. 139—141.

¹⁰¹ В. А. Францев, Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия, Прага, 1906, стр. 489.

¹⁰² Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 22, л. 1.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, л. 1-об.

в январе 1834 года он записал, что хочет издать с комментариями сочинение по литовской истории В. Кояловича; историю российской литературы; свод лингвистических сведений; «собрание стихотворений по капитальному плану»; «историю славянских народов с атласом»; «известие об иностранных писателях и книгах, переведенных на русский язык с замечаниями о сих переводах»¹⁰⁵. Несколько позже он регистрирует новый обширный план: издать старославянскую и русскую библиографию, «признав за основание Сопикова библиографию и другие пособия»¹⁰⁶. В записи от 25 мая читаем о его желании издать прибавление к истории российской словесности — «важнейшие ее памятники»¹⁰⁷. 20 января 1835 года он должен с горечью признать, что не часто уделом его было «удовольствие заниматься важным и продолжительным трудом», что испытывал это удовольствие лишь в 1833 г. при сочинении 1 части истории российской литературы и в 1834 г. при сочинении 2 ее части¹⁰⁸.

Надежда оставить после себя многочисленные труды не покидает Лобойко. Опять перечисляет он задуманные сочинения. В списке этом встречаем и российскую библиографию, и историю российской литературы с дополнениями, и перевод истории Литвы Кояловича, и дополнения к российскому словарю, и биографии славянских ученых, и русскую грамматику, и сочинение о российском стихосложении, и сравнительную грамматику, и географию славянских народов, и биографии современных российских писателей¹⁰⁹. Запись от 21 декабря 1835 года содержит план работ: к печати уже подготовлены История российской словесности, Риторика и поэтика, Собрание образцовых сочинений, Российская грамматика¹¹¹.

Лекции, которые читал Лобойко студентам, мало могли помочь в осуществлении его научных планов, так как они носили компилятивный характер и не являлись результатом самостоятельных исследований. В своем «Рассуждении об университетском преподавании» он отрицательно отзываясь о профессорах, которые «увлекаясь стремлением науки к самым недоступным предметам», взлетают на «высоту», ведут своих слушателей «неиспытанными путями и оставляют их в вечном недоумении», которые, «готовясь напечатать сочинение», подробно рассматривают «один из любопытнейших вопросов, относящихся к их науке»¹¹².

Как видно из упомянутого рассуждения, Лобойко — сторонник планового, систематического изложения материала. По характеру своему (несмотря на многочисленные творческие замыслы) он популяризатор.

¹⁰⁵ Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 22, л. 2.

¹⁰⁶ Там же, л. 3.

¹⁰⁷ Там же, л. 5-об.

¹⁰⁸ Там же, л. 5-об.

¹⁰⁹ Там же, л. 6.

¹¹⁰ Там же, л. 7.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, ед. хр. 100, лл. 1—5-об.

Таким он является и на кафедре, и в кругу ученых. Он очень общителен, энергичен в налаживании контактов; круг его знакомых, ученых, с которыми он переписывается, обширен: Вук Караджич, Раск, Востоков, Кеппен, Қалайдович, Румянцев, Ходаковский и т. д. Всем им у него есть что сообщить; его положение профессора университета в городе, где скрестились литовская, польская, русская, белорусская культуры, дает ему эту возможность. Он в курсе всех университетских дел, он организует, воодушевляет, протезирует. По организаторской активности его можно сравнить с К. Контрымом, также не проявившим себя как исследователь, но тем не менее по праву вписавшим себя в историю Вильнюсского Университета.

Характер деятельности Лобойко позволяет нам говорить о нем, как о человеке, имеющем несомненные заслуги прежде всего на поприще взаимного сближения представителей русской, литовской и польской культуры того времени.

Vilniaus valstybinis pedagoginis
institutas,
Lenkų kalbos ir literatūros
katedra

Įteikta
1962 m. spalio mėn.

I. N. LOBOIKOS ĮNAŠAS Į RUSŲ-LENKŲ-LIETUVIŲ KULTORINIŲ RYŠIŲ VYSTYMĄSI XIX AMŽIAUS PIRMAJAME KETVIRTYJE

A. KAUPUZ

Re z i u m ė

I. N. Loboika, Vilniaus universiteto rusų kalbos ir literatūros profesorius, eidamas tas pareigas 1821—1832 m., įdėjo svarbų įnašą į rusų-lenkų-lietuvių kultūrinių ryšių vystymąsi. Jo, kaip universiteto profesoriaus, veikla pasireiškė dviem kryptimis. Pirma, jis padėjo daug pastangų rusų kalbos dėstymui pagerinti, organizuodamas atitinkamo vadovėlio išleidimą ir rusų-lenkų kalbų žodyno paruošimą; be to, jis paruošė ir 1827 m. išleido rusų kalbos gramatiką su paraleliniais rusų ir lenkų kalbų tekstais. Dėstymą pagerinti padėjo taip pat tai, jog Loboika įvedė senosios slavų kalbos, lyginamosios rusų, lenkų ir senosios slavų kalbų gramatikos kursus, kurių nedėstė jo pirmtakas I. Cerniavskis.

Antra, atvykęs į universitetą, jis tuoj pradėjo energingai veikti rusų ir lietuvių bei lenkų kultūrų atstovų tarpe, siekdamas užmegzti su jais ryšius. Jis palaikydavo glaudžius ryšius su I. Leleveliu, M. Bobrovskiu, I. Danilovičiumi, apie kurių mokslinę veiklą informuodavo savo bičiulius rusus. Jis taip pat buvo artimai pažįstamas ir su to laikotarpio lietuvių švietimo veikėjais: Kiprijonu Nezabitausku, kuris paruošė jam raštu atsakymus į eilę klausimų apie tuometinį Lietuvos būvį, taip pat, reikia

manyti, paruošė ir atsišaukimą į lietuvių tautą dėl senovės paminklų rinkimo; jis draugauja su M. Chlevinskiu, iš kurio gauna raštu kelionės po Lietuvą instrukciją; su D. Poška, kurio veikalo „Kaimiečio žemdirbio mąstymai“ pirmąją redakciją siunčia F. Bulgarinui į Peterburgą, kad ji būtų išversta ir išleista rusų kalba; su L. Ūvainiu, kurio veikalu apie Lietuvos etimologiją žavisi; su Stankevičiumi ir kt.

Nors Loboikos mokslinės veiklos rezultatai buvo gana kuklūs, tačiau jis, aktyvus rusų, lenkų ir lietuvių kultūros veikėjų bendradarbiavimo tarpininkas, Vilniaus universiteto istorijoje turi užimti deramą vietą.